

РОЛЬ МЕТАТЕЗЫ В КЕТСКОЙ ГРАММАТИКЕ. ПУТЬ ЛЕКСЕМЫ К ГРАММАТИЧЕСКОМУ ПОКАЗАТЕЛЮ (НА МАТЕРИАЛЕ КЕТСКОГО ЯЗЫКА)

Г. Т. Поленова

*Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)*

THE ROLE OF METATHESIS IN KET GRAMMAR. THE PATH OF A LEXEME TO A GRAMMATIC INDICATOR (BASED ON THE MATERIAL OF THE KET LANGUAGE)

G. T. Polenova

*Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch)
of the Rostov State University of Economics (RINH)*

Аннотация: статья посвящена такому явлению в структуре кетского языка, как метатеза. Автор рассматривает метатезу, которая в диахроническом плане переводила лексические формы в грамматические показатели. На основе кетских указательных местоимений *ki*, *tu*, *qa* реконструируются исходные гласные звуки [i]/[e]–[u]/[o]–[a], которые при классном строе языка сочетались с различными согласными звуками-классификаторами, образуя первичные дейктические частицы со структурой CV vs. VC. Приводятся лексические примеры по частям речи, имеющие указанную структуру. В связи с кетским глаголом отмечается синкретизм частей речи, который обнаруживается в этом языке совершенно четко. Далее в таблицах продемонстрированы грамматические показатели личных местоимений, имени и глагола, имеющие структуру CV. Отдельно автор останавливается на выражении категорий предикативности и посессивности. Выясняется, что именно показатели этих двух категорий, восходящих к двум формам местоимения первого лица: *a-di* и *a-ba*, легли в основу словоизменительных аффиксов. Сравнение показателей личных местоимений, имени и глагола показало совпадение показателей родительного падежа личных местоимений, притяжательных префиксов имени и глагольных показателей группы **B**, а предикативные показатели имени (суффиксы) совпали с показателями группы **D** глагола (префиксы), т. е. глагольные формы структурировались с помощью метатезы притяжательных и предикативных показателей: из суффиксов в префиксы. Особый интерес представляют глаголы, не подпадающие ни под какие правила. Их формы представлены только структурой CV. Автор разделяет идеи контенсивной типологии Г. А. Климова и приходит к выводу, что кетский язык сохранил следы всех ступеней своего развития от классного строя (через активный/эргативный/посессивный) до номинативного строя. Представленный материал позволил увидеть ту роль, которую сыграла метатеза в становлении языка.

Ключевые слова: кетский язык, метатеза, указательные местоимения, гласные/согласные звуки, синкретизм частей речи, грамматические показатели, предикативность, посессивность, контенсивная типология языков.

Abstract: the article is devoted to such a phenomenon in the structure of the Ket language as metathesis. The author examines metathesis, which diachronically translated lexical forms into grammatical indicators. Based on the Ket demonstrative pronouns *ki*, *tu*, *qa*, the original vowel sounds [i]/[e]–[u]/[o]–[a] are reconstructed, which, in the class structure of the language, were combined with various consonant classifier sounds, forming the primary deictic particles with CV structure vs. VC. Lexical examples are given for parts of speech that have

the specified structure. In connection with the Ket verb, syncretism of parts of speech is noted, which is found quite clearly in this language. The following tables demonstrate the grammatical indicators of personal pronouns, nouns and verbs with a CV structure. Separately, the author dwells on the expression of the categories of predicativity and possessivity. It turns out that it was the indicators of these two categories, going back to two forms of the first person pronoun: a-di and a-ba, that formed the basis of inflectional affixes. A comparison of the indicators of personal pronouns, name and verb showed a coincidence of the indicators of the genitive case of personal pronouns, possessive prefixes of the name and verbal indicators of group B, and the predicative indicators of the name (suffixes) coincided with the indicators of group D of the verb (prefixes), i.e. verbal forms were structured using a metathesis of possessive and predicative indicators: from suffixes to prefixes. Of particular interest are verbs that do not fall under any rules. Their forms are represented only by the CV structure. The author shares the ideas of the content typology of G.A. Klimov and comes to the conclusion that the Ket language has preserved traces of all stages of its development from the class system (through active / ergative / possessive) to the nominative system. The presented material made it possible to see the role that metathesis played in the formation of language.

Key words: Ket language, metathesis, demonstrative pronouns, vowels/consonants, syncretism of parts of speech, grammatical indicators, predicativity, possessiveness, content typology of languages.

Введение

С. В. Воронин признал тезис Ф. Соссюра о произвольности связи плана выражения и плана содержания ошибочным. Он считает произвольность языкового знака основным методологическим принципом фоносемантики [1, с. 24].

Автор «Лингвистической комбинаторики» М. М. Маковский пришел к выводу, что «...определенные комбинаторные сочетания гласных и согласных в пределах слова обуславливают появление определенных семантических вариантов, а также тех или иных преобразований этих семантических вариантов... В некоторых языках в случае нейтрализации функциональных потенций гласных или согласных в качестве фактора, маркирующего значения и изменяющего их, выступает тоновость (во вьетнамском, китайском, корейском и др.)» [2, с. 63].

Метатеза, по О. С. Ахмановой, – перестановка, пермутация, транспозиция [3, с. 231]. Для нашего материала наиболее подходящим представляется термин *Lautversetzung* – нем.: «перестановка звуков», поскольку речь будет идти об архаичном бесписьменном языке, в котором диахронически каждый звук, на наш взгляд, был идееносителем, и смена позиции звука vs. звукосочетания в структуре слова меняла семантику лексемы. Сравним высказывание Д. М. Сегала: «Возможно, в кетском глаголе лексическое и реляционное значение передается собственно сегментом и тем местом в “обойме” глагольного слова, куда данный сегмент помещается» [4, с. 31–32].

О функциональности метатезы в языкознании наиболее известны работы С. С. Майзеля, который исследовал семантическую роль метатезы в семитских языках [5, с. 238–267].

На базе енисейских языков к метатезе впервые обратился М. В. Филимонов. Под метатезой он понимает **перестановку согласных корней** «в семантических целях и для социолингвистического табуирования

ния (создания женских, экзогамных, шаманских и промысловых “языков”» [6, с. 112]. Автор отмечает, что указанная метатеза может быть осложнена вокалическим чередованием или изменением тона, что он считает избыточным табуированием и устанавливает систему фоносемантических средств табуирования: «чередование согласных, гласных, тонов; метатеза и редупликация» [Там же, с. 113]. В результате он выводит следующие типы изменений семантики слова при метатезе:

1) поляризация значений, например, «мирской» – «сакральный»;

2) «часть тела» – «одежда, обувь»;

3) посессивность. На этом пункте мы остановимся далее, поскольку это соприкосновение лексики и грамматики, что нас особенно здесь интересует;

4) оппозиция «личные местоимения» – «субъектно-объектные показатели». Автор признает в этом пункте, что в 3-м и 4-м случаях «представлены **исключительно грамматические морфемы** (выделено нами. – Г. П.)» [6, с. 116];

5) табуистическая метатеза, например: «смерть, умирать, мертвый» – «жить, жизнь». Этот пункт у М. В. Филимонова имеет подпункт 5.1: «Примеры промыслового табуирования с целью обмануть зверей, лесных духов, “хозяев” тайги, дичи, чертенок и т. п.» [6, с. 117];

6) функциональная семантика, например: «оленья шкура» – «чешуя, перо, пух»;

7) сходство по признаку, например: «снег» – «зима»;

8) действие – объект действия, типа: «есть» – «пища, мясо, рыба».

Заканчивает свою статью М. В. Филимонов цитатой В. Н. Топорова из статьи «Первобытные представления о мире (общий взгляд)» в книге «Очерки истории естественных взглядов в древности» «...что в первобытную эпоху существовали “разные

виды сознательной деформации слова – его рассечение, растягивание, изъятие звуков, их перестановки и т. п.» [6, с. 119].

Таким образом, М. В. Филимонов показал многообразные функции енисейской метатезы, подчеркнув ее табуистический характер. Десять лет спустя вышла монография М. М. Маковского «Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие», в которой он, в частности, пишет: «Гласный и согласный в слове-символе были аналогичны элементам *йин* и *ян* в китайской философии – соединение этих элементов в различных вариантах явилось основой создания Мироздания во всех его проявлениях» [7, с. 23].

В данной работе под метатезой будем понимать три ее вида: 1) метатеза классного показателя (согласного звука); 2) метатеза грамматических показателей – суффиксов/префиксов; 3) закрепление места/порядка грамматического показателя в структуре глагола.

Материалы и методы исследования

Материалом статьи послужили записи, сделанные автором во время экспедиций в места проживания кетов. Мы опирались также на труды А. П. Дульзона [8]. В работе использованы наблюдения, описанные в нашей монографии [9]. Методами исследования являются описательный, метод структурно-контентного анализа и реконструкции.

Результаты исследования

Впервые мы обратили внимание на метатезу в связи с вопросом о синкретизме частей речи в кетском языке, сгруппировав форманты, служащие как для слово-, так и для формообразования имени и глагола, следующим образом:

Двухфонемные элементы:

bi-bu-ba/bo, **ib-ub-ab/*ob*, *di-du-da/*do*, *id-ud-ad/*od*, *ti-tu-ta/*to*; *ji-ju-ja/jo*, *ij-uj-aj/oj*; **iŋ-uŋ-aŋ/oŋ*, **im-um-am/om*; *i-ku-ka/*ko*, *il'-ul'-al'/ol'*, *ni-nu-na/no*, *in-un-an/on*, *li-l'u-l'a/*lo*, *s'i-s'u-s'a/*so*, *mi-mu-ma/*mo*, *ŋi-ŋu-ŋa/ŋo*, *is-us-as/*os*, *gi-gu-ga/*go*. Не отмеченные звездочкой частицы присутствуют в современном кетском языке или в качестве самостоятельных лексем или как грамматические показатели.

Однофонемные:

i/e-u-a/o (вокалические); *b, g, k, d, t, m, p, ŋ, s', j, n, l', r', q/ɣ-x* (консонантные) [9, с. 20–21].

Продолжая вслед за М. В. Филимоновым исследование енисейской, прежде всего кетской, метатезы, мы сосредоточим наше внимание на метатезе, формирующей лексические формы, исходя из предположения, что метатеза, выведенная нами для действительных частиц, приведенных выше, представляет

уровень классного строя языка. Назовем ее **метатезой № 1**, явлением чисто фонетическим. Звуки: *CV/VC* меняются местами, изменяя при этом значение лексем. Согласный звук является при этом классным показателем, а гласный указывает на степень удаленности от говорящего, т. е. обозначает непосредственный дейксис.

Представим далее фактический языковой материал, следуя схеме развития языка по Г. А. Климову [10, с. 291].

Нейтральный строй ассоциируется с наличием беспорядочного, асимметричного набора простейших действительных частиц со структурой *CV* vs. *VC* с диффузным значением, представленных выше.

Классный строй языка – метатеза № 1 (фоно-лексическая).

В современном кетском языке категория класса признана лексико-грамматической категорией, так как с одной стороны, наблюдается классная дифференциация лексики (именные классы), а с другой – грамматическое выражение классов (грамматические классы).

Каждому именному классу, например, соответствует свое вопросительное местоимение. Ср.: кет. *bes's'a* 'кто' (жен. кл.), *bits'e/bis's'e* 'кто' (муж. кл.), *as'a* 'что' (неодуш. кл.), югск. *anejt* 'кто' (муж. кл.), *aseda* 'кто' (жен. кл.), *assa* 'что' (неодуш. кл.); кет. *ana* 'кто' (о человеке), *akus'/aks'* 'что' (о вещи); котт. *as'ix* 'кто', *sina/sena* 'что'.

С другой стороны, классы могут быть выражены специальным показателем (согласным), сравним пары типа кет. *ob* 'отец' – *am* 'мать', *hip* 'сын' – *hun* 'дочь', *boat* 'старик' – *boam* 'старуха', *qīp* 'дядя', 'дед' – *qīm* 'женщина', 'жена'; котт. *fup* 'сын' – *fun* 'дочь', *o:p* 'отец' – *a:ma* 'мать', *hi:pa* 'дедушка' – *hi:ma* 'бабушка'.

Класс могут выражать разные глагольные словоформы с одним лексическим значением в зависимости от денотата, ср.: *dukin* 'он стоит' – *duol'in* 'он стоял'; *dakin* 'она стоит' – *daol'in* 'она стояла'; *ab qus'es'ka hapta* 'мой чум в лесу стоит'.

Диахронически категорию класса, на наш взгляд, сначала выражал согласный звук. Количество классов соответствовало количеству согласных. Классы отражали древнюю картину мира, когда человек поляризовал объекты и явления окружающей действительности на различных иерархических уровнях – сверхъестественном (добрые и недобрые духи и божества); космическом (космические объекты, одухотворявшиеся древним человеком и подразделявшиеся на благоприятствующих и неблагоприятствующих); на уровне человеческого коллектива (свой – чужой, добрый – недобрый, большой – малый, участвующих – неучаствующих и т. д.); на уровне животного мира (большой – малый, опасный – безопасный, полезный – вредный и т. д.).

Анализ енисейских языковых фактов показывает, что проявление классных показателей в языке неразрывно связано с появлением местоимений. Местоимения должны были постепенно вычлениваться из массы слов-классификаторов дейктического характера, и именно с этим процессом можно связывать и развитие классных экспонентов. Такая древность классных показателей могла бы подтверждаться, например, тем фактом, что при наличии показателя класса вещей в енисейских языках нет личного местоимения 3-го лица для замещения существительных вещного класса.

Личные местоимения мы относим к первичным дейктическим частицам. В кетском языке есть три привычных для индоевропейцев личных местоимения: *ad* (at) 'я'; *u/uk* 'ты'; *bu* 'он, она'; мн. число – *ətn* 'мы', *əku* 'вы', *buŋ* 'они' (табл. 1, 2). Формы притяжательного падежа: *a-ba* 'мой', *u-k* 'твой', *bu-da* 'его', *bu-di* 'ее'. Показатель притяжательного падежа мы написали через черточку, потому что он может быть отделен и превратиться в притяжательную приставку

к последующему слову: *bu-da-op* > *buda op* 'его отец' и *bu daop* 'он его отец'.

Обратим внимание на то, что показателями лица в притяжательном (родительном) падеже ед. числа фактически являются согласные элементы **-b**, **-k**, и **-d** соответственно. Они же являются посессивными приставками: 1-е лицо – **b-**, 2-е лицо – **k-**, 3-е лицо – **da-**, **d-/t-**; мн. число: 1-е лицо и 3-е – **na-**, 2-е лицо – **ŋa-**, например: *bam* 'моя мать', *dahip* 'его сын', *kor* 'твой отец', *thip* 'ее сын', *nahun* 'наша дочь', *ŋaop* 'ваш отец'. Все падежные форманты могут употребляться самостоятельно в составе падежных показателей личных местоимений. Например: *ba:t* 'для меня', *baŋa* 'мне', *baŋal'* 'от меня', *baŋt* 'у меня'; *kut* 'для тебя'; *da hip* 'его сын', *daŋa* 'ему', *diŋa* 'ей', *daŋt* 'у него', *diŋt* 'у нее', *daŋal'* 'от него', *diŋal'* 'от нее', *dat* 'для него', *dit* 'для нее'. Этот факт говорит о позднем грамматическом оформлении этой древнейшей части речи и о былом восприятии согласных как классных показателей.

Т а б л и ц а 1

Склонение личных местоимений (ед. число)

Лицо \ Падеж	1-е л.	2-е л.	3-е л. м. кл.	3-е л. ж. кл.
Основной	<i>a-d / at</i>	<i>u</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>
Притяжательный	<i>ap /a-ba</i>	<i>u-k</i>	<i>bu-da</i>	<i>bu-di</i>
Дательный	<i>abaŋ(a)</i>	<i>ukaŋ(a)</i>	<i>bu-daŋa</i>	<i>bu-diŋa</i>
Назначительный	<i>abat(a)</i>	<i>ukat(a)</i>	<i>bu-data</i>	<i>bu-dita</i>
Исходный	<i>abaŋal'</i>	<i>ukaŋal'</i>	<i>bu-daŋal'</i>	<i>bu-diŋal'</i>
Адессив	<i>abaŋt(a)</i>	<i>ukaŋt(a)</i>	<i>bu-daŋt(a)</i>	<i>bu-diŋt(a)</i>
Продольный	<i>atbes'</i>	<i>ibes'</i>	<i>bu-bes'</i>	<i>bu-bes'</i>
Совместный	<i>adas'</i>	<i>uŋas'</i>	<i>bu-ŋ-as'</i>	<i>bu-ŋ-as'</i>
Лишительный	<i>adan'</i>	<i>uŋan'</i>	<i>bu-ŋ-an'</i>	<i>bu-ŋ-an'</i>

Т а б л и ц а 2

Склонение личных местоимений (мн. число)

Лицо \ Падеж	1-е	2-е	3-е
Основной	<i>ətn</i>	<i>əku</i>	<i>buŋ</i>
Притяжательный	<i>ətn-na</i>	<i>əkuŋa / əkuŋa</i>	<i>buŋna</i>
Дательный	<i>ətn-na-ŋa</i>	<i>əkuŋaŋa</i>	<i>buŋnaŋa</i>
Назначительный	<i>ətn-na-ta</i>	<i>əkuŋnata</i>	<i>buŋnata</i>
Исходный	<i>ətn-na-ŋal'</i>	<i>əkuŋaŋal'</i>	<i>buŋnaŋal'</i>
Адессив	<i>ətn-na-ŋta</i>	<i>əkuŋaŋta</i>	<i>buŋnaŋta</i>
Продольный	<i>ətn-bes'</i>	<i>əkuŋbes'</i>	<i>buŋbes'</i>
Орудно-совместный	<i>ətn-as'</i>	<i>əkuŋas'</i>	<i>buŋas'</i>
Лишительный	<i>ətn-an'</i>	<i>əkuŋan'</i>	<i>buŋan'</i>

К. Е. Майтинская, ссылаясь на В. Вундта, отметила, что есть языки, в которых сфера 3-го лица по типу указания значительно более разнообразна, чем сфера 1-го и 2-го лица. Так, в американском черокесском языке употребляется девять разных местоимений 3-го лица (в зависимости от того, стоит ли, сидит ли, ходит ли и т. д. лицо, о котором говорится). В североамериканском языке квакиутль имеется одно личное местоимение для 3-го лица, которые различаются по указанию на степень удаленности, по видимости или невидимости лиц, а также по их присутствию или отсутствию. В чамалинском языке Дагестана имеется по одному личному местоимению для 1-го лица единственного, для 2-го лица единственного и множественного числа, но около десяти указательных местоимений выступают в роли личных местоимений 3-го лица [11, с. 141–142]. Следует отметить и полное несовпадение местоимений 3-го лица в различных енисейских языках, ср.: ар. *au*, асс. *bari*, котт. *xatu*, пумп. *adu*, кет. *bu* ‘он/она’.

Представляется, что при классном и раннеактивном строе категория лица была представлена классными показателями в сочетании с дейксисами, выражавшими оппозицию «говорящий/неговорящий»: *a* – говорящий; *u* – неговорящий. При развитом активном строе дейксисы сопровождалась классными показателями, отражавшими бинарное противопоставление «одушевленный/неодушевленный», «активный/инактивный».

Местоимение 3-го лица выносит классный показатель в препозицию, отличаясь от форм 1-го и 2-го лица, у которых классный элемент в постпозиции. Напрашивается вывод, что обозначение 3-го лица для *bu* является более поздним, а его первичной функцией была указательность на денотат класса “*b*”.

Исходной функцией **-b-** было, очевидно, выражение принадлежности человеческому телу. Данное предположение подтверждается тем, что формант *b* обнаруживается в кетском языке:

1) в форме притяжательного местоимения 1-го лица *ab* ‘мой’;

2) в форме личного местоимения 3-го лица *bu* ‘он, она’ (для замещения имен неодушевленного класса у кетов нет личного местоимения);

3) в форме возвратно-определятельного местоимения *bin* ‘сам’;

4) в форме предикативной частицы атрибутивных местоимений: *abbi* ‘мой’, *butbi* ‘ее’, *andabi* ‘чья-то’;

5) в формах вопросительных местоимений: *bes'e* ‘кто’ (о женщине), *bis's'e* ‘кто?’ (о мужчине);

6) в формах следующих имен существительных: *bat* ‘лицо’, *ba:t* ‘старик’, *ba:m* ‘старуха’, *be?p* ‘дядя, зять, муж старшей сестры’, *bu:l* ‘нога’, *bi?η* ‘рука’, *bljbul* ‘коса’ (волосы), *bo-η* ‘покойник’ (плоть, которую покинула душа).

B- является классным показателем земли *baη* ‘земля’. Падежные показатели имени существительного повторяют форманты падежей личного местоимения 3-го лица (табл. 3).

Первичные дейктические частицы с классным показателем “*d*” соотносились с чем-то постоянным, богом данным, одушевленным. Не случайно представитель верхнего мира орел у кетов называется *di*. Сравним также *Dog* – верховный шаман, живущий на небе. Человек, в которого вселились духи, назывался *darij*, *dago* – мифическая птица из верхнего мира; *danjols'* – деревянный идол, в котором живет душа умершего, возвратившаяся на землю из загробного мира.

Т а б л и ц а 3

Пример склонения кетских имен существительных

Число и класс	Единственное число		Множественное число	
	мужской класс 'отец'	женский класс 'мать'	одушевленный класс 'отцы, матери'	неодушевленный класс
Основной	<i>or</i>	<i>am</i>	<i>obaη, amaη</i>	<i>baηin</i>
Притяжательный	<i>ob-da</i>	<i>am-di</i>	<i>obaη-na, amaη-na</i>	<i>baηin-di</i>
Дательный	<i>ob-da-ηa</i>	<i>am-di-ηa</i>	<i>obaη-na-ηa, amaηna-ηa</i>	<i>baηin-di-ηa</i>
Адессив	<i>ob-da-ηta</i>	<i>am-di-ηta</i>	<i>obaη-na-ηta, amaη-na-ηta</i>	<i>baηin-di-ηta</i>
Исходный	<i>ob-da-ηal'</i>	<i>am-di-ηal'</i>	<i>obaη-na-ηal', amaη-na-ηal'</i>	<i>baηin-di-ηal'</i>
Назначительный	<i>ob-da-ta</i>	<i>am-di-ta</i>	<i>obaη-na-ta, amaη-na-ta</i>	<i>baηin-di-ta</i>
Звательный	<i>ob-o</i>	<i>am-a</i>	<i>obaη-a</i>	-
Орудно-совместный	<i>ob-as'</i>	<i>am-as'</i>	<i>obaη-as', amaη-as'</i>	<i>baηin -as'</i>
Лишительный	<i>ob-an'</i>	<i>am-an'</i>	<i>obaη -an', amaη-an'</i>	<i>baηin -an'</i>
Продольный	<i>ob-bes'</i>	<i>am-bes'</i>	<i>obaη - bes', amaη-bes'</i>	<i>baηin -bes'</i>

Падежные показатели группы притяжательного (родительного) падежа могут употребляться самостоятельно в функции личных местоимений 3-го лица. Ср.:

daŋa ‘ему’, *diŋa* ‘ей’, *daŋta* ‘у него’, *diŋta* ‘у нее’, *daŋal* ‘от него’, *diŋal* ‘от нее’, *data* ‘для него’, *dita* ‘для нее’.

Все падежные аффиксы имени можно присоединить к любым личным и неличным формам глагола. Например:

kiʔt kajboyos' s'enidit ‘я плату возьму за то, что буду шаманить’; *bu dokŋabet reubinoyotdinjal'* ‘он падает от своей усталости’ и *amdit* ‘для матери’, *am-dinjal'* ‘от матери’.

Т а б л и ц а 4

Притяжательные префиксы

Лицо	Единственное число	Множественное число
Первое	<i>b-</i> / <i>p-</i>	<i>na-</i>
Второе	<i>k-</i>	<i>na-</i>
Третье (м. кл.)	<i>da-</i>	<i>na-</i>
Третье (ж. кл.)	<i>d-</i> / <i>t-</i>	<i>na-</i>
Третье (неодуш. кл.)	<i>d-</i> / <i>t-</i>	<i>d-</i> / <i>t-</i>

Притяжательные префиксы могут иметь не только имя существительное, но и глаголы, выражающие различные звуки, шумы, физические чувства и ощущения. В отличие от большинства глаголов, получающих субъектные показатели **B** или **D**, такие глаголы употребляются с посессивными префиксами, как и имена существительные, причем префиксы притяжательности могут заменяться полными притяжательными местоимениями, например: *ab oŋajbata* ‘я ворчу’ (*ab* ‘мой’), *uk oŋajbata* ‘ты ворчишь’ (*uk* ‘твой’), *buda oŋajbata* ‘он ворчит’ (*buda* ‘его’), *bud oŋajbata* ‘она ворчит’ (*bud* ‘ее’) и т. д.

А. П. Дульзон привел 40 глаголов звучания, оформленных таким образом. Это глаголы со значением: «ворчать», «греметь», «трещать», «бренчать», «каркать», «крякать», «шуметь», «скрипеть», «храпеть», «хрустеть», «свистеть», «скулить», «журчать», «ныть» и т. п. [8, с. 345–350]. Если подлежащим является имя существительное, то оно стоит в родительном падеже. Приведем еще примеры:

1) *oks da kidejbata / kidejbil'ata* ‘дерево скрипит/скрипело’, *aq na kŋejbetin* ‘деревья скрипят’; *tʌs di inijbata* ‘камень шумит’ (*inij* ‘слух’), *tip da dŋejbata* ‘собака рычит’, *es ta kŋejbata* ‘гром гремит’;

2) *op deŋnaŋa da kutelejges' / kutelejbol'a* ‘отец людям свистнул (свистком) / посвистел’;

3) *ab bayabda / bayabol'da* ‘я слышу/слышал’, *baŋsuyo* ‘я смотрю’, *kunŋsuyo* ‘ты смотришь’, *buŋsuyo* ‘он смотрит’, *dabuŋsuyo* ‘она смотрит’;

4) *ab (uk, buda, bud) qoʔj* ‘я (ты, он, она) хочу’;

5) *i'l' bimбата / bil'ata* ‘песня слышится/слышалась’, *tik bimbus' / bilus'* ‘снег тает/растаял’, *tik us' bin's'am* ‘снег начал таять’ (*us'* ‘тепло, теплеть’).

В примерах 1) хорошо просматривается притяжательная конструкция: притяжательный падеж + словоформа, выражающая шумовое действие или

состояние. Показатель притяжательного падежа примыкает к имени. Второй пример демонстрирует дистантное расположение показателя притяжательного падежа.

В кетском языке есть ряд глаголов, не подпадающих ни под какие выведенные кетологами правила. Это глаголы, формы которых представлены только слогами со структурой *CV*. Приведем формы глагола «сказать»:

ma-n'a ‘(я-женщина)

‘говорю, сказала’

ni-ma ‘(я-мужчина)‘го-

ворю, сказал’

ku-ma ‘(ты) говоришь,

сказал’ (вне пола)

ma-n'a ‘(она) говорит,

сказала’

ni-ma ‘(он) говорит,

сказал’

ba-da ‘(он) говорит,

сказал’

gu-ma! ‘скажи!’

ni-ma-ŋ ‘мы говорим,

сказали’

ku-ma-ŋ ‘вы говорите,

сказали’

ma-n'-ma-ŋ ‘они гово-

рят, сказали’

Сравним безличные глагольные словоформы:

ad (u, bu) tajga ‘я (ты, он, она) гуляю’; *ad (u, bu)*

ka:ba ‘я (ты, он, она) вырежу’; *ad (u, bu) hils'a* ‘я (ты,

он, она) кусаю’; *ad (u, bu) bina* ‘я (ты, он, она) плела’,

хотя в настоящем времени: *ad diba*, *u kuba*, *bu duba*,

bu daba ‘я плету, ты плетешь, он плетет, она плетет’;

ad sija, *u sija*, *bu sija* ‘я ем, ты ешь, он/она ест’, *ad, u,*

bu sila ‘я, ты, он/она ел’; *ad kykta bilo* ‘я ложку обли-

зала’; *aqta has'a* ‘хорошо режу (крою). Ср. далее:

ka-ŋ-an-s'a ‘немой’ (букв. ‘бессловесный’); *ugda*

hu:ts'a ‘сплетница’ (букв. ‘длинный хвост’).

Так, в кетском языке мы выделили множество классных предикативных показателей, имеющих структуру *CV* vs. *VC*:

-ma, -da, -na, -ja, -s'a, -l'a, -am, -aŋ, -s'i/-s'e, -ba, -bo, -no, ср.: *has'a* 'режу, пилю, стригу' (я, ты, он, она) - *hal'a* 'пилил, резал, строгал' (я, ты, он, она) и личные предикативные аффиксы: -di, -ku, -du (м. кл.), -da (ж. кл.), например: *at axtadi* 'я добр', *u axtaku* 'ты добр', *bu axtadu* 'он добр', *bu axtada* 'она добрая' и т. д.

Перечислим конечные предикативирующие слоги:

-ma, -ga, -ba, -s'a, -na, -da, -ja, -la, -lo, -di, -ku, -du, -da

Выберем упомянутые выше строевые элементы со структурой CVVC:

am / ma- / -ma, -an / na- / ni-, nu-, di- / -di / du- / -du / ad / da-, u / uk / ku-, ab / b- / ba- / -ba / bu, qa- / -ga, aj / -ja, es' / is' / si- / s'-, -al' / -la / -lo, -as' / -s'a

Полагаем, что метатеза № 1 служила при классном строе акцентуации классного показателя и являлась словообразовательным средством (метатеза фонолексическая).

Активный строй – метатеза № 2 (грамматическая).

При активном строе вырабатывается и оформляется грамматически оппозиция: активный класс (мужской) / инактивный класс (женский и вещный).

Еще А. Кастрен предположил, что первоначально кетский язык имел два падежа: *Locativ* и *Ablativ* и что «остальные окончания падежей первоначально были энклитическими частицами» (перевод наш. – Г. П.) [12, с. 25]. Дальнейшие исследования вносили различные уточнения. Так, А. П. Дульзон в своем фундаментальном труде отметил более подробные особенности кетского склонения. Он указал на то, что кетскому имени существительному свойственна категория одушевленности и неодушевленности. У одушевленных предметов кеты различают пол. В связи с этим он вывел два ряда падежных аффиксов для одушевленных имен существительных и местоимения третьего лица *bu* «он, она» в формах притяжательного, дательного, исходного, местно-личного, назначительного и звательного (для существительных) падежей. «Одна серия аффиксов выражает одушевленность вообще или же выделяет значение мужского пола, а другая серия аффиксов присоединяется к названиям неодушевленных предметов, но всегда только существ женского пола» [8, с. 70].

Сравним высказывание Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Всев. Иванова: «“Одушевленный” класс имен можно мыслить как собственно активный класс имен, то есть как класс имен, обозначающий объекты, способные к активной деятельности (или мыслимые как таковые), в отличие от “неодушевленного” класса имен, объединяющего имена, которые обозначают объекты, неспособные к активной деятельности» [13, с. 273].

В кетском языке падежные форманты носят ярко выраженный агглютинативный характер. Все падеж-

ные морфемы могут быть отделены от именной основы и употребляться дистантно. Они находятся на пути развития от служебного слова к суффиксу флективных языков. Показатели родительного падежа ед. числа -da (мужской класс, ср. *ad* 'я') и -di (женский класс) до сих пор могут употребляться в отрыве от ранее названного имени и превращаться в префиксы с притяжательным значением. Посессивное отношение может быть выражено и сопоставлением двух существительных в основном падеже.

Енисейский материал подтверждает, что категория предиката возникла до расчленения единого ранее слова на имя и глагол.

В енисейских языках синкретизм имени и глагола, выявленный в большинстве древних языков, обнаруживается совершенно четко. В них и ныне основным типом связи между словами является примыкание, а главным грамматическим средством – порядок слов. Анна Яковлевна Кусамина на нашу просьбу привести парадигму глагола 'нравиться' дала формы: 'хороший' + личные предикативные показатели:

ad budana aktadi 'я ему нравлюсь' (*akta* 'хороший'), *bu abana aktada* 'она мне нравится' – Бакланова 1989.

«...прежде, чем прийти к бинарной оппозиции активного (“одушевленного”) и инактивного (“неодушевленного”) классов, языковая структура должна была обладать более конкретной и, следовательно, дробной классификацией субстантивов... до оформления глагола не было, собственно говоря, и имени в нашем понимании слова, т. е. отдельной части речи, с характеризующими ее грамматическими категориями, но одна и та же единица речи выступала то с функцией будущего имени, то с функцией будущего глагола» [10, с. 267, 275].

Во всех енисейских языках имеются специальные предикативные показатели – суффиксы (личные и безличные) со структурой CV vs. VC, добавляемые к любому неглагольному слову, если оно выступает в роли сказуемого.

Приводим предикативные суффиксы в табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Личные предикативные суффиксы

Лицо	Единственное число	Множественное число
Первое	-di / -ti	-daŋ / -taŋ
Второе	-ku / -gu / -yu	-kaŋ / -gaŋ / -yaŋ
Третье (м. кл.)	-du / -tu	(одуш. кл. > м. и ж. кл.) -aŋ / -j-aŋ
Третье (ж. кл.)	-da / -ta	
Третье (неодуш. кл.)	-am	-am

Интересны предикативные формы местоимения *bin* ‘сам’:

binba ‘я сам’, *binku* ‘ты сам’, *binda* ‘он сам’, *bin-di* ‘она сама’, *binna* ‘мы, вы, они сами’.

Сравним предикативные формы указательных местоимений:

кет. *kidu* ‘этот’ – *kida* ‘эта’, *tudu* ‘тот, этот’ – *tuda* ‘та, эта’, *qadu* ‘тот’ – *qada* ‘та’.

Приведем пример предикативного оформления прилагательного *qā* / *qa* ‘большой, -ая, -ое’:

<i>qa-di</i> ‘я (есть) / был большой (-ая)’	<i>qa-ŋ-d-aŋ</i> ‘мы (есть) / были большие’
<i>qa-gu</i> ‘ты (есть) / был большой (-ая)’	<i>qa-ŋ-g-aŋ</i> ‘вы (есть) / были большие’
<i>qa-du</i> ‘он (есть) / был большой’	<i>qa-ŋ-aŋ</i> ‘они (есть) / были большие’
<i>qa-da</i> ‘она (есть) / была большая’	<i>qa-ŋ-aŋ</i> ‘они (есть) / были большие’
<i>qa-γ-am</i> ‘оно (есть) / было большое’	<i>qa-ŋ-am</i> неодуш. кл. ‘они (есть) / были большие’

Суффикс *-am* является предикативным показателем, прежде всего, имен прилагательных, согласуемых с субъектом вещного класса. Но в кетском языке имеется целый ряд слов, функционально являющихся глаголами, с тем же суффиксом. Ср. кет. *at itpedam* ‘я знаю’, *u itkum* ‘ты знаешь’, *bu itelam* ‘он знает’, *bu daitlam* ‘она знает’. Или: *s'es' todam* ‘речка мелка’, *aks' bajt u: s'am* ‘что у меня есть’, кет. *unam* ‘скользко’, *tik toram* ‘снег мелкий’, *at kainam* ‘я беру’, *ad tet' nam* ‘я вышла замуж’.

Показатели рядов *di-du* и *di-di* повторяются и во множественном числе, т. е. эти показатели не имеют категории числа, а это говорит об их древности. И именно показатели ряда *di-du* полностью совпадают с предикативными показателями имени с той только разницей, что у имен они суффируются, а у глагола префигируются. Показатели ряда *di-du* используются лишь в словоформах настоящего времени.

Мы считаем, что разделение глаголов на глаголы действия и состояния – это более продвинутое ступень в развитии языка; ему предшествовала единая категория состояния, выражавшаяся дейктическими партикулами, показателями места и направления. В кетском языке свидетели этого периода – предикативные показатели.

Если такая стадия развития у глагола (суффиксальное положение личного показателя) была, то компоненты *-di*, *-ku*, *-du*, *-da* становятся в ряд с остальными предикативными показателями, общими у глагола и имени.

То, что категория состояния восходит к лексическому выражению класса денотата, подтверждает глагол «стоять»:

hiγ dun ‘мужчина стоит’, *qim dan* ‘женщина стоит’; *oks' duγota* ‘дерево стоит’; *uŋoks' ujboγot* ‘стул стоит’.

Примечательно, что безличные предикативные аффиксы встречаются у глаголов, аномальных с точки зрения современного кетского языка. Это глаголы состояния и *verba sentiendi*. Ср.:

duls'a ‘я мокну’ – *dul'na* ‘я вымок’; *has'a* ‘я (ты, он, она) режу’ – *hal'a* ‘я (ты, он, она) резал’; *ka-ja* ‘резну’ – *kona* ‘резнул’, *abaŋa axtam* ‘мне нравится’.

Несмотря на перестройку древней морфологической системы, сохранились, однако, следы того, что в структуре глагольных словоформ было представлено два ряда грамматических показателей, которые соотносились с активными и инактивными именами в зависимости от того, был ли соответствующий глагол глаголом действия или состояния. У активных глаголов, которые передавали различные действия и движения, был представлен ряд аффиксов, получивших в литературе название личных показателей группы **B**; они соотносились с активными именами, обозначавшими деятеля. Другой же ряд аффиксов, условно обозначаемый теперь показателями группы **D** [14, S. 98], был, очевидно, поначалу связан с идеей пребывания актанта ситуации в определенном состоянии и, следовательно, мог соотноситься как с активными, так и с инактивными именами. У активных глаголов (движения или действия), сохранивших очень архаическую парадигму спряжения, представлены именно личные показатели группы **B**. Личные показатели группы **D** обнаруживают несомненную тесную связь с предикативными аффиксами (в частности, в формах ед. числа), т. е. с аффиксами, оформляющими формы состояния субъекта действия.

При активном строе оновной языковой дихотомией становится *активный/инактивный*. Исчезает синкретизм частей речи классного строя. Бинаризм показателей характеризует сначала личное местоимение 1-го лица и парадигма глагола: активный/инактивный падежи личного местоимения 1-го лица, активный/инактивный показатели субъекта действия, ср.: *ad/ab* ‘я/мой’; сравним также глаголы ‘стоять’ и ‘сбегать’:

<i>dikin</i> ‘я стою’	<i>diol'in</i> ‘я стоял’
<i>kukin</i> ‘ты стоишь’	<i>kuol'in</i> ‘ты стоял’
<i>dukin</i> ‘он стоит’	<i>duol'in</i> ‘он стоял’
<i>dakin</i> ‘она стоит’	<i>daol'in</i> ‘она стояла’
<i>batsaq</i> ‘я сбегаяю’	<i>batlaq</i> ‘я сбегал’
<i>kutsaq</i> ‘ты сбегашь’	<i>kutlaq</i> ‘ты сбегал’
<i>butsaq</i> ‘он сбегает’	<i>butlaq</i> ‘он сбегал’
<i>dabutsaq</i> ‘она сбегает’	<i>dabutlaq</i> ‘она сбегала’

Среди показателей группы **D**, как правило, представлен специальный показатель вещного рода в 3-м лице ед. и мн. числа, в то время как среди по-

казателей группы **B** такового нет, и его заменяет соответствующий показатель женского рода (см. таблицы).

Наличие специального показателя вещного рода (*b/bi/m*) среди показателей группы **D** может свидетельствовать о том, что все они поначалу соотносились с именами, которые обозначали субъект, пребы-

вающий в определенном состоянии (стативные глаголы), причем это могли быть и активные, и инактивные имена, ср.: «Активные глаголы обозначают действия, движения, события, а стативные – состояния и качества» [10, с. 305].

Приведем субъектно-объектные показатели кетского глагола (префиксы) (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Субъектно-объектные показатели глагола группы **B**

Число	Лицо	Класс	1-й ряд	2-й ряд	3-й ряд	4-й ряд
Единственное	1-е		<i>ba</i>	<i>bo</i>	<i>ba</i>	<i>bo</i>
	2-е		<i>ku</i>	<i>ku</i>	<i>ku</i>	<i>ku</i>
	3-е	Мужск.	<i>a</i>	<i>o</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>
	3-е	Женск.	<i>i</i>	<i>u</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>
	3-е	Неодуш.	<i>i/ø</i>	<i>u</i>	<i>ø</i>	<i>ø</i>
Множественное	1-е		<i>daŋ</i>	<i>daŋ</i>	<i>daŋ</i>	<i>daŋ</i>
	2-е		<i>kaŋ</i>	<i>kaŋ</i>	<i>kaŋ</i>	<i>kaŋ</i>
	3-е	Одушевл.	<i>aŋ</i>	<i>oŋ</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>
	3-е	Неодуш.	<i>i/ø</i>	<i>u</i>	<i>ø</i>	<i>ø</i>

Примеры:

ba-γ-issal ‘я-переночую’, *ku-ŋsuŋo* ‘ты-смотришь’, *ba-ga:bda* ‘я-слышу’, *a-ga:bda* ‘он-слышит’, *i-ga:bda*

‘она-слышит’ *ba-γ-i-s-toq* ‘на-меня-набросится’, *ba-γ-i-n-doq* ‘на-меня-набросился’ *ku-γ-i-s-toq* ‘на-тебя-набросится’, *ku-γ-i-n-doq*, ‘на-тебя-набросился’.

Т а б л и ц а 7

Показатели родительного падежа личных местоимений, притяжательных префиксов и глагольных показателей группы **B**

Лицо	Родит. падеж личных местоим.	Притяж. преф. имени	Показатели глагола группы B			
			1-й ряд	2-й ряд	3-й ряд	4-й ряд
1-е	<i>*a-ba</i>	<i>b-</i>	<i>ba-</i>	<i>ba-</i>	<i>bo-</i>	<i>bo-</i>
2-е	<i>*u-ku</i>	<i>k-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>	<i>ku-</i>
3-е м.	<i>bu-d-a</i>	<i>da-</i>	<i>a-</i>	<i>bu-</i>	<i>bu-</i>	<i>-o-</i>
ж.	<i>bu-d-i</i>	<i>d (t)-</i>	<i>i-</i>	<i>bu-</i>	<i>bu-</i>	<i>-u-</i>
вещ.	–	<i>d (t)-</i>	<i>i/ø-</i>	<i>ø</i>	<i>ø</i>	<i>-u-</i>

В первом и втором лице единственного числа совпадают показатели родительного падежа личных местоимений, притяжательных префиксов имен и глагольных показателей группы **B** (табл. 7). Ср.:

a:ba qi:m ‘моя жена’; *bor* ‘мой отец’; *ba-γ-issal* ‘я переночую’; *kor* ‘твой отец’; *uk se:l* ‘твой олень’; *ku-t-uŋ* ‘тебя-видит’; *ku-γ-issal* ‘ты-переночуешь’.

Кетский инфинитив А. П. Дульзон считал именем, поскольку он может употребляться в функции опре-

деления, и лично-объектное отношение действия часто выражается посредством посессивных аффиксов [8, с. 464], ср.:

at əl'ab ‘меня выгнать’ *ab op* ‘мой отец’
uk əl'uk ‘тебя выгнать’ *uk op* ‘твой отец’
bu əl'eda ‘его выгнать’ *buda op* ‘его отец’
bu əl'ed ‘ее выгнать’ *bud op* ‘ее отец’.

Обратимся к глагольным показателям группы **D** (табл. 8).

Т а б л и ц а 8

Субъектно-объектные показатели глагола группы **D**

Число	Лицо	Классы	1-й ряд безуд. префиксы	2-й ряд удар. пре- фиксы	3-й ряд инфиксы	4-й ряд инфик- сы	5-й ряд суффик- сы
Единственное	1-е		<i>di-/d-/t-</i>	<i>di:-</i>	<i>-di-/d-/t-</i>	<i>-di-/d-/t-</i>	<i>-di</i>
	2-е		<i>gi-/g-/k-</i>	<i>ku:-</i>	<i>-ku-/</i> <i>-gu-/k-</i>	<i>-ku-/</i> <i>-gu-/k-</i>	<i>-ku</i>
	3-е	муж.	<i>di-/d-/t-</i>	<i>du:-</i>	<i>-a-/o-</i>	<i>-ja/-sa/a</i>	<i>-du</i>
	3-е	жен.	<i>da-</i>	<i>da:</i>	<i>-i-/u-</i>	<i>-ja/-sa/a</i>	<i>-da</i>
	3-е	вещ.	<i>b-/ø/da-</i>	<i>bi-/ø</i>	<i>-b-/m-</i>	<i>-ja/-sa/a</i>	<i>am</i>
Множественное	1-е		<i>di-/d-/t-</i>	<i>di:-</i>	<i>-daŋ-</i>	<i>-daŋ-</i>	<i>-daŋ</i>
	2-е		<i>gi-/g-/k-</i>	<i>ku:-</i>	<i>-kaŋ/</i> <i>-gaŋ-</i>	<i>-kaŋ/</i> <i>-gaŋ-</i>	<i>-kaŋ</i>
	3-е	од.	<i>di-/d-/t-</i>	<i>du:-</i>	<i>-aŋ-/oŋ-</i>	<i>-jaŋ-/oŋ-</i>	<i>-aŋ</i>
	3-е	неод.	<i>b-/ø/da-</i>	<i>bi-/ø</i>	<i>-b-/m-</i>	<i>-ja/-sa/a</i>	<i>-am</i>

Примеры:

du-roq ‘он улетает’ (м.кл.) *da-roq* ‘она улетает’ (ж. кл.);

da-roq ‘оно улетает’ (вещн. кл.).

Сравним приведенные глагольные показатели с предикативными (табл. 9) и убедимся в том, что они отличаются только позицией в словоформе в результате метатезы.

Т а б л и ц а 9

Предикативные показатели имени и глагольные личные показатели группы **D** в единственном числе

Лицо	Предикативные показатели имени (суффиксы)	Показатели группы D глагола (префиксы)
1-е	<i>-di</i>	<i>di-/d-/t-</i>
2-е	<i>-ku (-gu)</i>	<i>ku-/k-</i>
3-е м.	<i>-du</i>	<i>du-/ t-</i>
3-е ж.	<i>-da</i>	<i>də-/da-</i>
3-е вещ.	<i>-em/ -am</i>	<i>də-/da-</i>

Примеры по табл. 9:

at qus'kejdi ‘я в чуме’ (*qus* ‘чум’; *-kej* – показатель местного падежа; *-di* – предикативный показатель); *kidagejdi* ‘я в этом (чуме)’ (*kida* – указательное местоимение; *-gej* – показатель местного падежа; *-di* – предикативный показатель); *at dijak* ‘я иду’ (глагол: *di-* – личный показатель первого лица); *at axtadi* ‘я хороший’ (*axta* ‘хороший’; *-di* – предикативный показатель 1-го лица) и т. п.

Налицо роль метатезы в оформлении глагольных форм.

Приведем пример прилагательного с личными предикативными показателями и непереходный глагол с идентичными субъектными показателями:

at axtadi ‘я добр’
и axtaku ‘ты добр’

at ditoot ‘я сплю’
и kutoot ‘ты спишь’

bu axtadu ‘он добр’*bu axtada* ‘она добрая’*bu dutoot* ‘он спит’*и datoit* ‘она спит’

Разница, как видим, только в позиции **показателей в словоформе**.

Считаем, что глагольные показатели группы **B** восходят к притяжательным, а группы **D** – к личным местоимениям, а те, в свою очередь, возводятся к первичным дейктическим частицам с диффузным значением.

Посредством **метатезы № 2** предикативные суффиксы **D** перешли в позицию префикса-субъекта зарождавшегося глагола. Притяжательные префиксы имени (группа **B**) оставили свою функцию при выражении присвоения действия субъекту.

Классные показатели группы **D** отражают, пожалуй, все этапы активного строя кетского языка и даже классный. В первом и втором рядах ед. числа представлен раннеактивный строй (м. кл. *di*, *du*, ж. кл. *da*, вещн. кл. *ø*), в то же время здесь зафиксировано распространение «женского» показателя на неодушевленные предметы – развитый активный строй, и наконец, появление специального вещного показателя *b*, *bi* – позднеактивный строй. В это же время сформировались показатели 3-го ряда и показатели множественного числа. Третий ряд демонстрирует реликты классного строя – первичные дейктические частицы.

Номинативный строй – метатеза № 3.

В конце активного строя симметрия активности/инактивности нарушается. Наступает этап очередного хаоса в языке, т. е. асимметрии. Это период перехода от языка активного строя к номинативно-аккумулятивному. Кетский язык еще находится на этом этапе: множество субъектно-объектных показателей и сохранение многих черт активного строя, в частности, наличие категории версии: субъектно-объектные показатели, начинающиеся с *ba-*, выражают центростремительную версию, а с *bo-* – центробежную. Ср.: *bayabda* – я слышу, но: *boks'ibej* – меня несет ветром.

Процесс переосмысления первоначальных функций глагольных показателей **B** и **D** не завершен полностью и в настоящее время.

Метатеза № 3 проявляется в том, что показатели группы **B** из лично-субъектных превращаются в лично-объектные, а показатели группы **D** – в лично-субъектные. Это видно из того, что в настоящее время показатели группы **D** сохранились в качестве лично-объектных только в 1-м лице ед. числа, а также в 3-м лице ед. и мн. числа вещного рода; во всех других случаях в качестве лично-объектных встречаются только показатели группы **B**. Даже в тех случаях, где показатели группы **B** можно бы рассматривать как лично-субъектные, они оттесняются на второй план префигируемыми лично-субъектными показателями группы **D**.

Таким образом, произошло полное переосмысление былых функций показателей группы **B** и **D**, в результате чего в роли лично-субъектных в настоящее время могут выступать только показатели группы **D**, т. е. показатели, соотносившиеся раньше с субъектом состояния и объектом действия.

В современном кетском языке имя или местоимение, обозначающее субъект действия при любых глаголах, всегда ставится в абсолютном падеже (он совмещает функции номинатива и аккузатива).

Бывший женский показатель *da* маркирует теперь в форме родительного падежа имена мужского класса, а имена женского класса снабжаются показателем *di*. В настоящее время кетские падежи по своей морфологической структуре образуют две группы: группа номинатива/аккузатива и группа генитива. В системе кетского склонения на синхронном уровне выражена оппозиция мужской/немужской путем чередования в составе падежных аффиксов гласных соответственно *a/i*. Ср.:

qajdaŋa ‘к лосю’ – м. кл., *qajdiŋa* ‘к лосю’ – ж. кл.,
qus'diŋa ‘к чуму’ – вещн. кл.

Формируется категория переходности/непереходности (транзитивности/интранзитивности). Например:

Переходный глагол Непереходный глагол

(d)- <i>baŋar'o</i> ‘он на меня смотрит’	<i>di-jyo</i> ‘я умру’
(d)- <i>kuŋar'o</i> ‘на тебя смотрит’	<i>ku-jyo</i> ‘ты умрешь’
<i>d-aŋar'o</i> ‘он на него смотрит’	<i>du-jyo</i> ‘он умрет’
<i>d-iŋar'o</i> ‘он на нее смотрит’	<i>da-jyo</i> ‘она умрет’
(d)- <i>ba-ŋol'do</i> ‘он на меня смотрел’	
<i>d-a-ŋol'do</i> ‘он на него смотрел’	<i>di-no</i> ‘я умер’
(d)- <i>kuŋol'do</i> ‘он на тебя смотрел’	<i>ku-no</i> ‘ты умер’

d-i-ŋol'do ‘он на нее смотрел’ *da-no* ‘она умерла’

Транзитивная структура глагола утверждается, прежде всего, в сфере 3-го лица. Складывается впечатление, что вся грамматика начала строиться именно начиная с лично-классных показателей 3-го лица.

Пользуясь терминологией Н. Хомского, можно считать, что язык сохраняет глубинную структуру грамматики, изменяя ее на поверхностном уровне.

Заключение

Разделяя идеи контенсивной типологии Г. А. Климова, мы пришли к выводу, что кетский язык сохранил следы всех ступеней своего развития от классного строя через активный до номинативного. Архаичный кетский язык предоставляет возможность увидеть все эти этапы и ту роль, которую сыграла метатеза в становлении языка.

Классный строй языка. Метатеза № 1.

Отмечается наличие в кетском, югском и коттском языках большого количества типов спряжения, различных рядов субъектно-объектных глагольных показателей, множества детерминативов, по Е. А. Крейновичу; возможность дистантного расположения личных аффиксов, единство грамматических показателей имени и глагола позволяет предположить наличие в праенисейском языке большой дробности классов слов и целого периода классного строя в становлении енисейских языков, по Г. А. Климову [10].

При классном строе метатеза носила фонетический характер и выражалась в изменении места классного показателя (согласный звук) в первичных словоформах. Наглядно проявление такой метатезы демонстрируют личные местоимения. Отличающаяся от форм местоимений 1-го (*ad*) и 2-го лица (*uk*) форма местоимения 3-го лица *bu* ‘он/она’ ассоциируется с реконструированными нами дейктическими частицами диффузного значения ряда *bi-bu-ba* (см. выше по аналогии с современными кетскими указательными местоимениями *ki-tu-qa*).

Включение *bu* в парадигму личных местоимений можно отнести к концу классного строя, первичной его функцией была широкая указательность на денотат класса “*b*”. Классный характер согласных формантов в структуре личных местоимений характеризуют и притяжательные местоимения и приставки (см. табл. 7).

При классном строе возникает и категория предикативности, наилучшим образом демонстрирующая обилие классных показателей в структурах *CV*. Это метатеза структуры *VC*, которая, видимо, более характерна для нейтрального строя, сравним, например, предикативный показатель *-am*, который мы возводим к *am* ‘мать’.

Полагаем, что метатеза № 1 при классном строе акцентуации классного показателя служила словообразовательным целям (метатеза лексическая). Можно с уверенностью считать метатезу № 1 первичным синтаксисом на фоно-семантическом уровне.

Активный строй языка. Бывшие классно-дейктические частицы (см. «Двухфонемные элементы») представляют теперь строительный материал для оформления частей речи, начиная с личных, указательных и притяжательных местоимений. Первыми из грамматических категорий развиваются категории предикативности и притяжательности местоимения и имени.

Активный строй языка. Метатеза № 2.

Глагол получает свое грамматическое оформление на основе предикативных имен, переставляя аффиксы из постпозиции в препозицию (см. табл. 9).

Классные показатели группы **D** отражают, пожалуй, все этапы активного строя кетского языка и даже классный. В первом и втором рядах ед. числа представлен раннеактивный строй (м. кл. *di*, *du*, ж. кл. *da*, вещн. кл. *ø*), в то же время здесь зафиксировано распространение «женского» показателя на неодушевленные предметы (вещн. кл. *da*) – развитый активный строй, и наконец, появление специального вещного показателя *b*, *bi* – позднеактивный строй. В это же время сформировались показатели 3-го ряда и показатели множественного числа. Третий ряд демонстрирует реликты классного строя – первичные дейктические частицы.

Таким образом, метатеза служила при классном строе для словообразования, а при раннеактивном строе для словоизменения, особенно при формировании категорий притяжательности и предикативности.

Номинативный строй языка. Современный кетский язык, сохранив, как мы это показали, явные черты классной и активной типологии, может продемонстрировать явные черты номинативности: наличие деклинационной системы во главе с исходным падежом, а также наличие разветвленной субъектно-объектной системы спряжения глагола. Однако все еще основным критерием выбора формы глагола является семантика языкового элемента и его «место в «обойме» глагольного слова» [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Наука, 1982. 243 с.
2. Маковский М. М. Лингвистическая комбинаторика. М.: Наука, 1988. 232 с.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
4. Сегал Д. М. Фонология кетского языка (пакулихинский говор) // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968. С. 26–74.
5. Майзель С. С. Пути развития коренного фонда семитских языков. М.: Наука, 1983. 308 с.
6. Филимонов М. В. Функциональность метатезы в енисейских языках // Языки народов Сибири. Томск: Томский госпединститут, 1995. С. 112–121.
7. Маковский М. М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. М.: КомКнига, 2006. 280 с.
8. Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд. ТГУ, 1968. 636 с.
9. Поленова Г. Т. Происхождение грамматических категорий глагола (на материале енисейских языков). Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2002. 202 с.
10. Климов Г. А. Типология языков активного строя. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 320 с.
11. Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. Изд. 2-е, испр. М., 2009.
12. Castrén A. M. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1858.
13. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Всев. Индоевропейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. 430 с.
14. Bouda K. Die Sprache der Jenissejer, Genealogische und morphologische Untersuchungen // Anthropos. 1957. Vol. 52, № 1-2. S. 65–134.

REFERENCES

1. Voronin S. V. Osnovy fonosemantiki [Basics of phonosemantics]. L.: Nauka, 1982. 243 p.
2. Makovskij M. M. Lingvisticheskaya kombinatorika [Linguistic combinatorics]. M.: Nauka, 1988. 232 p.
3. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. M.: KomKniga, 2007. 576 p.
4. Segal D. M. Fonologiya ketskogo yazyka (Pakulinhinskij govor) [Phonology of the Ket language (Pakulikha dialect)]. In: *Ketskij sbornik. Lingvistika*. M.: Nauka, 1968. Pp. 26–74.
5. Majzel' S. S. Puti razvitiya korennoogo fonda semitskikh yazykov [Ways of development of the indigenous fund of Semitic languages]. M.: Nauka, 1983. 308 p.
6. Filimonov M. V. Funkcional'nost' metatezy v enisejskikh yazykakh [Functionality of metathesis in the Yenisei languages]. In: *Yazyki narodov Sibiri*. Tomsk: Tomskij gospedinstitut, 1995. Pp. 112–121.
7. Makovskij M. M. Fenomen TABU v tradiciyah i v yazyke indoevropejcev. Sushchnost' – formy – razvitie [The phenomenon of TABOO in the traditions and language of the Indo-Europeans. Essence – forms – development]. M.: KomKniga, 2006. 280 p.
8. Dul'zon A. P. Ketskij yazyk [Ket language]. Tomsk: Izd TGU, 1968. 636 p.
9. Polenova G. T. Proiskhozhdenie grammaticheskikh kategorij glagola (na materiale enisejskikh yazykov) [The origin of grammatical categories of the verb (based on the Yenisei languages)]. Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. ped. in-ta, 2002. 202 p.

10. Klimov G. A. Tipologiya yazykov aktivnogo stroya [Typology of active languages]. Izd. 2-e. M.: LIBROKOM, 2009. 320 p.

11. Majtinskaya K. E. Mestoimeniya v yazykah raznyh sistem [Pronouns in languages of different systems]. M.: Nauka, 2009. 307 p.

12. Castrén A. M. Versuch einer jennissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre. St. Petersburg, 1858.

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Поленова Г. Т., доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

E-mail: polenova@mail.ru

Поступила в редакцию 17 мая 2024 г.

Принята к публикации 26 сентября 2024 г.

Для цитирования:

Поленова Г. Т. Роль метатезы в кетской грамматике. Путь лексемы к грамматическому показателю (на материале кетского языка) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 4. С. 137–149. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/4/137-149>

13. Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vsev. Indoevropskij yazyk i indoevropejcy. [Indo-European language and Indo-Europeans]. I. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo universiteta, 1984. 430 p.

14. Bouda K. Die Sprache der Jennissejer, Genealogische und morphologische Untersuchungen. In: *Anthropos*. 1957. Vol. 52, № 1-2. Pp. 65–134.

Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch) of the Rostov State University of Economics (RINH)

Polenova G. T., Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher

E-mail: polenova@mail.ru

Received: 17 May 2024

Accepted: 26 September 2024

For citation:

Polenova G. T. The role of metathesis in Ket grammar. The path of a lexeme to a grammatic indicator (based on the material of the Ket language). *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2024. No. 4. Pp. 137–149. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/4/137-149>